

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР.
ПЕРЕВЕДЕН НА 30 ЯЗЫКОВ

МАТТЕО СТРУКУЛ

СЕМЬ ПРЕСТОЛОВ

КТО ВЫЖИВЕТ, КОГДА СЕМЬ
КЛАНОВ НАЧНУТ БОРЬБУ ЗА ВЛАСТЬ?

Маттео Струкул
Семь престолов
Серия «The Big Book.
Исторический роман»
Серия «Семь престолов», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74633536

Семь престолов: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-35455-5

Аннотация

Действие этого захватывающего исторического романа разворачивается в Италии XV века – в эпоху Возрождения, когда судьбу раздробленного полуострова вершили не только меч и золото, но и хитроумные интриги. Перед читателем предстает галерея семи могущественных династий, каждая из которых жаждет власти.

В центре сюжета – судьбы правителей Милана, Венеции, Флоренции, Рима и Неаполя. Миланский герцог Филиппо Мария Висконти, лишенный наследников мужского пола, в отчаянной попытке сохранить власть делает ставку на свою незаконнорожденную дочь и плетет безумные заговоры против мнимых и реальных врагов. Тем временем венецианский род Кондольмер ценой сложнейших интриг возводит на папский

престол своего ставленника Евгения IV, навлекая на себя месть клана Колонна. На юге Италии разгорается кровавая борьба между анжуйцами и арагонцами, еще больше погружая страну в хаос.

Автор мастерски переплетает судьбы реальных исторических личностей – таких, как кондотьер Франческо Сфорца и правитель Флоренции Козимо Медичи, – создавая полотно, которое критики сравнивают с «Проклятыми королями» Мориса Дрюона и циклом Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени». Это сага о живых людях с их страстями, амбициями и пороками, чьи решения меняли историю. Кто из семи властителей выйдет победителем из этой борьбы, где ставка – будущее всей Италии?

Содержание

Династии	7
Часть I	13
1418	13
Пролог	13
1427	21
Глава 1	21
Глава 2	26
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	45
Глава 6	50
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Маттео Струкул

Семь престолов

Сильвиш – моей любимой, моей музе

С высоты этого мрачного замка, словно орел в своем окровавленном гнезде, нелюдимый хозяин царил над всем окрестным пространством, куда только могла ступить нога человека, и никогда не видел никого ни над собой, ни в вышине.

Алессандро Мандзони. Обрученные (Перевод Н. К. Георгиевской)

Сознательное подсчитывание на будущее всех средств, о чем ни один тогдашний правитель вне Италии не имел представления, в сочетании с почти абсолютной властью внутри государства привело к появлению особых человеческих типов и форм жизни.

Якоб Буркхардт. Культура Возрождения в Италии (Перевод Н. Н. Балашова, И. И. Маханькова)

LE SETTE DINASTIE

Copyright © Newton Compton Editori s.r.l., 2019

All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения MalaTesta Literary Agency, Milan и ELKOST International Literary Agency, Barcelona

© Е. В. Пантелеева, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Династии

МИЛАН

(Висконти – Сфорца)

Филиппо Мария Висконти – герцог Милана

Аньезе дель Майно – любовница и фаворитка Филиппо Марии Висконти

Мария Савойская – жена Филиппо Марии Висконти, герцогиня Милана

Пьер Кандидо Дечембрио – советник Филиппо Марии Висконти

Франческо Сфорца – кондотьер¹ и герцог Милана

Бьянка Мария Висконти – дочь Филиппо Марии Висконти и Аньезе дель Майно, герцогиня Милана

Чикко Симонетта – советник Франческо Сфорцы

Браччо Спеццато – правая рука Франческо Сфорцы

Микеле да Безоццо – миланский художник

Гаспаре да Вимеркате – приближенный Франческо Сфор-

¹ Военачальник, заключивший с правителем договор о найме – кондотту. –
Здесь и далее примеч. перев.

цы

Галеаццо Мария Сфорца – сын Франческо Сфорцы и Бьянки Марии Висконти, герцог Милана

Лодовико Мария Сфорца по прозвищу Мавр – брат Галеаццо Марии Сфорцы, сын Франческо Сфорцы и Бьянки Марии Висконти, герцог Милана

Лукреция Ландриани – любовница и фаворитка Галеаццо Марии Сфорцы

Бона Савойская – жена Галеаццо Марии Сфорцы, герцогиня Милана

Катерина Сфорца – дочь Галеаццо Марии Сфорцы и Лукреции Ландриани

Лючия Марлиани – любовница и фаворитка Галеаццо Марии Сфорцы

Лукреция Алипранди – камеристка Анъезе дель Майно

Габор Силады – наемный убийца на службе у Бьянки Марии Висконти

ВЕНЕЦИЯ

(Кондульмеры)

Габриэле Кондульмер – знатный венецианец, папа римский Евгений IV

Полиссена Кондульмер – знатная венецианка, сестра Габриэле Кондульмера

Никколо Барбо – знатный венецианец, член Совета десяти, муж Полиссены Кондульмер

Пьетро Барбо – сын Никколо Барбо и Полиссены Кондульмер, папа римский Павел II

Антонио Кондульмер – посол Венеции при французском дворе

Антонио Коррер – двоюродный брат Габриэле Кондульмера, кардинал Болоньи

Франческо Буссоне по прозвищу Карманьола – главнокомандующий венецианской армией

ФЕРРАРА

(д'Эсте)

Леонелло д'Эсте – маркиз Феррары, сын Никколо III д'Эсте и Стеллы де Толомеи

Гварино Гварини – магистр, глава кафедры словесности и латинского и греческого языков в Университете Феррары

Борсо д'Эсте – герцог Феррары, сын Никколо III д'Эсте и Стеллы де Толомеи

Эрколе д'Эсте – герцог Феррары, сводный брат Борсо д'Э-

ФЛОРЕНЦИЯ

(Медичи)

Козимо де Медичи по прозвищу Старый – правитель Флоренции

Паоло ди Доно по прозвищу Паоло Уччелло – флорентийский художник

Пьеро де Медичи по прозвищу Подагрик – правитель Флоренции, сын Козимо де Медичи и Контессины де Барди

Лоренцо де Медичи по прозвищу Великолепный – правитель Флоренции, сын Пьеро де Медичи и Лукреции Торнабуони

Браччо Мартелли – знатный флорентиец, друг Лоренцо де Медичи

РИМ

(Колонна и Борджиа)

Антонио Колонна – знатный римлянин, князь Салерно,

глава ветви Дженаццано

Одоардо Колонна – знатный римлянин, брат Антонио и Просперо Колонны

Просперо Колонна – знатный римлянин, брат Антонио и Одоардо Колонны, кардинал

Стефано Колонна – знатный римлянин, глава ветви Палестрина

Звева Орсини – знатная римлянка, жена Стефано Колонны

Кьярина Конти – знатная римлянка, мать Стефано Колонны

Имперiale Колонна – знатная римлянка, дочь Стефано Колонны и Зевы Орсини, жена Антонио Колонны

Сальваторе Колонна – знатный римлянин

Альфонсо де Борджиа – знатный испанец, папа римский Каликст III

НЕАПОЛЬ

(арагонцы)

Король Альфонсо V Арагонский по прозвищу Великодушный – король Арагона, правитель Неаполитанского королевства

Дон Рафаэль Коссин Рубио – идадьго из Медины-дель-Кампо, капитан² арагонского войска

Фердинанд I Арагонский по прозвищу Ферранте – король Арагона, правитель Неаполитанского королевства, сын Альфонсо V Арагонского и Гуэральдоны Карлино

Изабелла ди Клермон – королева Неаполя, жена Фердинанда I Арагонского

Филомена – простолюдинка из Неаполя

Аньелло Ферраро – колодезник из Неаполя

Иньиго де Гевара – капитан арагонского войска

² От *capitano* (ит.) – чин командующего войском, равный по рангу современному генералу.

Часть I

1418

Пролог

Миланское герцогство, замок Бинаско

Он твердо решил забраться на самый верх башни. Конечно, для этого требовалась целая вечность, но он поклялся себе, что справится. Один из солдат попытался предложить помощь, однако был испепелен на месте яростным взглядом.

Он преодолевал ступеньку за ступенькой, опираясь на костыли, как делал уже много раз. Медленно, с трудом продвиг-

гался он вперед на тонких, слабых ногах и с каждым неуверенным шагом ругался сквозь зубы, проклиная самого себя, а еще пуще – родителей, повинных в том, что он с рождения заточен в своем теле, в этой темнице боли и уродства.

Когда наконец была преодолена последняя ступенька, пот градом катился у него по лицу. Руки дрожали от нечеловеческих усилий. Он облокотился на зубцы крепостной стены, прижавшись к ним. Костыли упали на землю.

Высокая и мощная башня устремлялась в небо. Она стояла на углу замка, и с вершины открывался вид на все окрестности. На горизонте начинала проступать алая полоса зари. Пронизывающий зимний ветер взметнул в воздух его плащ. Тяжелая ткань быстро опустилась, но лишь до следующего порыва, который вновь задрал ее. Филиппо Мария запахнулся плотнее, и воротник, отороченный волчьим мехом, ласково скользнул по щекам, будто тепло льстивых речей.

Бинаско. Почти на полпути между Миланом и Павией. Чем не идеальное место для финальной части его плана? Не зря же он посвятил всю свою жизнь этим двум городам?

Филиппо Мария посмотрел вниз. Прямо под ним простирался глубокий ров. Дальше торчали голые деревья с кривыми ветками, зачоченевшими от мороза. За ними виднелись ветхие домишки и земли крестьян. Филиппо Мария повернулся, направив взгляд в сторону двора замка, где уже поджидал свою жертву эшафот. Огни факелов мерцали в розовой утренней дымке.

Он ненавидел Беатриче всем своим существом. Ему пришлось жениться на ней, потому что его заставил Фачино Кане. Тот хотел обеспечить Беатриче безопасность, защиту. Именно об этом он бормотал, захлебываясь мокротой и кровью на смертном одре. О Беатриче. Чтобы минули ее любые беды. Конечно же! И ему пришлось терпеть эту женщину целых семь лет. Семь нескончаемых лет! Он смирился с тем, что она держала его за прислугу, за недостойного, за сопливого мальчишку – его, единственного законного наследника герцога Милана, пусть и моложе ее на двадцать лет! Филиппо Мария исполнял ее приказы, терпел капризы и многочисленные унижения, которым она его подвергала. Он терпеливо, с улыбкой принимал указания жены, подпитывая при этом свою ярость, которая постепенно росла внутри него, словно детеныш дикого зверя. Придворные крючкотворы благоклонно взирали на его поведение, уверенные, что он смирился ради сохранения мира, из любви к родине и уважения к умершим. На самом деле Беатриче продали ему, будто породистую суку, в соответствии с ее собачьей фамилией³: ее приданое включало четыреста тысяч дукатов, а также возможность править Алессандрией, Тортоной, Казале, Новарой, Виджевано, Биандрате, Варезе и всеми землями Брианцы. Расчет и стремление к выгоде решили дело. Благодаря женитьбе Филиппо Мария разом получил для герцогства – своего герцогства – новые земли, людей, богатства.

³ Фамилия Кане совпадает с итальянским словом *cane* – собака.

При этом он ни на миг не допускал мысли о том, чтобы на самом деле жить с ней. Конечно, Беатриче была еще красива, несмотря на свои сорок лет, и знала, как доставить удовольствие мужчине. Даже слишком! Но не он был предметом ее внимания. Вовсе не он. Филиппо Мария доподлинно знал, что она изменяет ему, но ни разу не сумел заполучить доказательства ее неверности. Она была хитра, эта потаскуха. Словом, он ненавидел Беатриче. Но, оставаясь в тени, считая день за днем, накапливая злобу, ждал, пока придет его время.

За шесть лет Филиппо Мария повзрослел. И пусть физически он не стал сильнее, пусть его бесполезные ноги так и не научились нормально двигаться, пусть он отрастил живот и окончательно понял, что обречен жить уродом и калеккой, однако ему удалось добиться главного, мгновенно сделав неважными все увечья, которыми наградила его природа: Филиппо Мария стал герцогом Милана. Теперь он не просто носил это имя, но правил на самом деле. Он изучил своих врагов, как явных, так и тайных – гораздо более опасных, тех, что плели против него интриги, улыбаясь и расточая любезности, – и понял, что доверять нельзя никому. До поры до времени Филиппо Мария затаил обиды в душе, являя себя рассудительным и миролюбивым юношей, благосклонно принимающим решения Совета двенадцати. Будто послушный ученик, он старательно следовал наставлениям придворных политиков, словно крупницам истинной муд-

рости. Тем временем подозрительность и ожесточение все прочнее пускали корни в его черном сердце, твердом, как скала.

Вот так постепенно в течение шести лет, пока к нему относились с обидной снисходительностью, поглядывая свысока и не подозревая о глубине его ярости, Филиппо Мария заточил клинок своей мести.

А потом все изменилось вновь: он познакомился с фрейлиной своей супруги, намного красивее самой Беатриче. Звали даму Аньезе дель Майно. У нее были длинные светлые волосы и голубые глаза – совсем как небо, которое теперь уже сменило цвет, избавившись от последних всполохов зари. Как же он мог не желать Аньезе – создание, полное огня и страсти? Стоило ему лишь взглянуть на нее, как кровь закипала в жилах. Как только герцог понял, что Аньезе умеет видеть больше, чем доступно взгляду, что она почувствовала его стремление к власти и готова стать частью его жизни, чтобы однажды взойти на вершину вместе с ним, он предложил ей все, чем располагал. Она же крепко держала его меж своих упругих сильных бедер и любила до безумия. Ночами, полными страсти и неистовства, блаженства и исступления, когда он овладевал ею, наконец-то чувствуя себя мужчиной, она нашептывала ему на ухо коварные слова, и постепенно они сложились в изобретательный план.

А затем с помощью Аньезе Филиппо Мария претворил его в жизнь. Он обвинил Беатриче в том, что та нарушила

обет супружеской верности, изменив ему со своим слугой по имени Микеле Оромбелли. Она все отрицала. Он назвал ее клятвопреступницей и прелюбодейкой, которая не заботится о законном продолжении рода своего герцога. И без малейших сомнений вынес ей приговор. Сначала Филиппо Мария заточил в темницу Оромбелли. После короткого разбирательства, представлявшего собой лишь видимость, солдаты герцога казнили слугу на глазах у Беатриче и отправили на корм собакам. Неверную супругу отправили в замок Бинаско и оставили там в ожидании казни.

И вот этот день настал.

Филиппо Мария посмотрел вдаль. Затем, с ненавистью взглянув на множество ступеней, решил сойти вниз. С огромным трудом герцог наклонился и поднял костыли, после чего злобно сплюнул и с невероятными усилиями начал долгий спуск.

* * *

Когда Беатриче вывели на улицу, ее встретила тишина. Здесь не было жаждущей крови толпы – только пустой двор, покрытый смесью снега и грязи. Солдаты герцога возвели небольшой деревянный помост, на который установили плаху. Палач с огромным топором в руках уже поджидал приговоренную. Франческо Буссоне по прозвищу Карманьола, капитан миланского войска, следил, чтобы все шло без задер-

жек. Этот высокий мужчина с длинными каштановыми волосами и тонкими усиками был тверд духом, верен престолу и готов на все, чтобы отвоевать утраченные земли герцогства.

Филиппо Мария увидел Беатриче такой же, как всегда: даже на пороге смерти она держалась высокомерно; ее надменный, гордый взор был тверд, будто лезвие ножа. Герцог посмотрел ей прямо в глаза и почувствовал удовлетворение от того, что смог выдержать ее взгляд. Он улыбнулся. Беатриче не удостоила его ни единым словом. Она не пыталась освободиться и не оказала ни малейшего сопротивления, когда солдаты схватили ее за руки и швырнули под ноги палачу.

Тот грубо толкнул женщину, заставил положить голову на плаху и крепко привязал несколькими оборотами веревки.

Солнце пронзило пелену облаков.

Молочный свет слабых зимних лучей рассеялся по двору. Беатриче продолжала смотреть прямо на своего мужа: она не произнесла ни слова, но вместе с тем и не отворачивалась, будто сковав невидимой цепью свои и его глаза.

Палач поднял огромный топор у нее над головой.

Даже в чести умереть от меча ей было отказано. Филиппо Мария приказал палачу взять именно топор – орудие, подходящее для свиней и таких потаскух, как Беатриче.

Герцог Милана навалился на деревянные костыли с такой силой, что их основания вошли в землю. Он с наслаждением смотрел на происходящее. Ему пришлось слишком долго ждать, и сейчас он не собирался упускать ни единого мгно-

вения казни.

Палач резко обрушил громадный топор на жертву. Лезвие разрубило шею с первого удара. Фонтан темной крови хлынул алым потоком. Отделенная от тела голова отлетела в сторону, прокатилась по доскам эшафота и свалилась на землю, перемешанную с грязным снегом.

Филиппо Мария приблизился к голове Беатриче. Он увидел выпученные глаза и открытый рот с посиневшим языком. Герцог бросил на землю один из костылей, свободной рукой подхватил за волосы отрубленную голову, из которой еще сочилась кровь, и медленно пошел прочь, оставляя на снегу алый след.

Филиппо Мария направлялся к свинарнику.

Глава 1

Шмелиное гнездо

Миланское герцогство, Маклодио

– Не согласен. – В глазах Анджело делла Перголы сверкнула молния. – Мне кажется, Карманьола не станет атаковать нас в ближайшее время.

– Почему же вы так считаете? – спросил Франческо Сфорца. В его холодном взгляде невозможно было прочесть никаких эмоций. В тоне вопроса, однако, слышалось любопытство, как будто его и в самом деле интересовало мнение старого кондотьера.

– Судите сами: он одержал победу в Соммо, но потом отступил на этот берег Ольо, хотя мог бы продолжить наступление, – с готовностью пояснил Анджело.

Молодой Сфорца разочарованно покачал головой, словно ответ не оправдал его ожиданий.

Делла Пергола терпеть не мог Франческо Сфорцу. Кондотьеру пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не разразиться гневной отповедью. Этот зеленый капитанишка вел себя совершенно непозволительным образом. Юношеское нахальство сочеталось в нем с завидным

самообладанием, что позволяло Сфорце сохранять спокойствие в любых обстоятельствах. С помощью этих качеств он ловко управлял решениями Карло II Малатесты, недавно поставленного во главе миланской армии. Малатеста тоже был здесь: слушал их пререкания и посмеивался.

Но Анджело не для того сражался все эти годы в снегу и грязи, чтобы теперь стать игрушкой в руках двух мальчишек, думающих лишь о том, как поскорее отхватить свой куш.

– Неужели вы не видите, что мы находимся в самых ужасных условиях, какие только можно себе представить? – обратился он к обоим юнцам. – Мы на равнине, покрытой болотами и лужами с ледяной водой, и на этой отвратительной местности нам придется сражаться с таким опытным военачальником, как Карманьола! Причем у нашего противника, если вспомнить его прошлое, есть все причины избегать столкновения с нами.

– А я думаю, это как раз повод разгромить его. Наш враг колеблется – ну и прекрасно! Мы уничтожим его вместе со всем его войском и завоюем легкую победу во имя Филиппо Марии Висконти! – воскликнул Малатеста. – Чего еще вы собираетесь дожидаться? – с негодованием спросил он.

Анджело делла Пергола не верил своим ушам. Только посмотрите на них: два сопляка, совершенно не способных хоть немного подумать головой. И он – весь в увечьях и шрамах, с вечной болью от скверно зашитых ран и старых переломов. Он-то всякого повидал за свои пятьдесят два года! И

знает, что сейчас стороны находятся в классическом выжидательном положении, когда никто не решается атаковать. Тот, кто нападет первым, сам себе выроет могилу. Случаев, которые это подтверждают, хватило бы на целую книгу, если бы Анджело умел писать. Но сейчас он ничего не мог поделать: все доводы разбивались о стену недоверия и упрямства, воздвигнутую двумя молодыми военачальниками.

– Похоже, вы боитесь, Анджело? – с издевкой спросил Карло Малатеста. – Если дело в этом, я могу вас понять. Конечно, вы устали, в вашем возрасте никому не хочется ввязываться в очередное сражение...

Глаза Анджело делла Перголы вспыхнули яростью, и в следующее мгновение он выдернул из-за пояса кинжал и молниеносным движением воткнул его в центр разделявшего их стола. Все произошло так быстро, что Малатеста едва успел потянуться к рукоятке меча.

Франческо Сфорца в ходе стычки сохранил свое обычное спокойствие. Карло Малатеста ненавидел его за это. Всегда такой самоуверенный, холодный, отстраненный; всегда знает, что и в какой момент сказать. Еще и одевается с иголки, а мягкие волосы идеально причесаны. Настоящий фигляр! Карло с удовольствием стер бы улыбочку с лица Франческо парой крепких ударов. Однако сейчас Сфорца, по крайней мере, разделял его точку зрения.

– Я никого и ничего не боюсь! – вскричал старый вояка. – Я лишь призываю вас хоть раз взглянуть дальше собствен-

ного носа!

– Ага, теперь вы еще и голос повышаете?

– Не пытайтесь напугать меня, Малатеста. Если герцог поставил вас командовать войсками, это еще не дает вам никакого права оскорблять меня! – раздраженно бросил делла Пергола. – Неужели вы и правда полагаете, будто я боюсь? Полная ерунда! Но я считаю, что надо как следует все обдумать, вместо того чтобы играть на руку Карманьоле. Он мог окончательно разгромить нас после битвы при Соммо, но не сделал этого. Он злится, поскольку герцог, которому он посвятил свою жизнь, отвернулся от него. Еще он наверняка чувствует разочарование. И усталость. Сами подумайте: Карманьола десять лет сражался под знаменами с лазурным змеем⁴, он отвоевал земли и города для Филиппо Марии Висконти, получил от герцога назначение синьором⁵ Генуи... А потом его вдруг в одночасье прогнали со двора. Неприятный сюрприз, не правда ли? Однако, несмотря на обиды, у Карманьолы не получается возненавидеть Милан. Да, венецианцы осыпали его золотом, но он все равно сомневается. Я думаю, с ним можно заключить соглашение и обойтись без ненужного кровопролития.

– А мне по-прежнему кажется, что вам просто страшно. Я выслушал все ваши красноречивые умозаключения, но остался при своем мнении: вы так отчаянно пытаетесь отго-

⁴ Лазурный змей изображен на гербе Милана.

⁵ Титул правителей городов-государств средневековой Италии.

ворить нас от сражения только потому, что боитесь сойтись с Карманьолой на поле боя. Ну что же, а вот я не вижу никаких препятствий! Я не ведаю страха, наше войско сильнее и лучше вооружено, у нас целых восемь бомбард. Если не хотите сражаться, так оставайтесь здесь. Никто не просит вас рисковать своей драгоценной старой шкурой! – в гневе закончил Малатеста, тыча пальцем в делла Перголу.

– Ну-ну, не стоит, капитан, – вмешался Сфорца, – давайте сохранять...

– Не советуйте мне сохранять спокойствие! – перебил его Малатеста. – Мы что, в самом деле возьмем и подарим победу жалкой горстке венецианцев?!

Карло еще продолжал распинаться, горячо отстаивая свою точку зрения, когда пола палатки поднялась, впустив Гвидо Торелли.

– Капитан, – сказал тот, обращаясь к Малатесте, – войско Карманьолы наступает.

– Где? В какой части поля?

Торелли явно замялся с ответом.

– Вот это как раз и непонятно. Он послал кавалерию прямо в сторону дороги на Ураго. Возглавляет венецианцев Никколо да Толентино. Пиччинино как раз находится там и готов выступить. Он ждет только вашего приказа.

– Господа, жребий брошен, – заявил Карло Малатеста. – Спешите к своим отрядам, займите дорогу на Орчи-Нови. Я же выдвинусь на помощь Пиччинино. Пора поставить точку

в нашем бессмысленном споре.

Глава 2

Маклодио

Миланское герцогство, Маклодио

По обеим сторонам от дороги простирались болота. Полоса раскисшей от дождя земли тянулась мокрой лентой среди топкой грязи и огромных луж. С неба падали капли – крупные, тяжелые, будто серебряные монеты. Никколо Пиччинино с конными рыцарями и пехотой расположился по всей ширине дороги. Дождь стучал по стальным шлемам и знаменам с гербом герцога Висконти. Попоны лошадей давно намокли, а земля под ногами с каждой минутой становилась все более скользкой и ненадежной.

Вдалеке Пиччинино разглядел приближающийся отряд венецианских рыцарей. Яркие флаги противника развевались на фоне свинцового неба, а изображенный на них крылатый лев, казалось, готовился издать воинственный рык.

В это мгновение за спиной Никколо раздался топот копыт. Обернувшись, он увидел рыцаря, который лихо несся по дороге во главе своего отряда. Огромный конь всадника был угольно-черным, а на попоне полосы в красно-золотую клетку чередовались с серебристыми: цвета рода Малатеста. Главнокомандующий миланской армии держал забрало поднятым, капли дождя стекали по гладко выбритому лицу с тя-

желым волевым подбородком.

Карло Малатеста поднял руку в железной перчатке:

— Ну что же, Никколо, пора атаковать. Мы ведь не позволим кучке венецианцев напасть первыми?

— Как раз это меня и настораживает, капитан, — возразил Пиччинино. — Почему Венеция с Флоренцией выставили против нас столь малые силы? Шпионы говорят, что у наших врагов нет недостатка ни в кавалерии, ни в пехоте.

— И вы хотите ждать, Никколо? Но зачем? Это удел трусов! Вот мой приказ: основная часть кавалерии остается на дороге, пехота образует фланги по бокам. Наступаем, пересекая болото, и нападаем на противника с двух сторон. Так мы возьмем их в клещи и наконец разделаемся с этим болваном Карманьолой, с Никколо да Толентино и всем их войском.

— Но...

— Никаких «но»! — отрезал Карло II Малатеста.

Приказ передали по рядам, пехотинцы и оруженосцы выстроились по обеим сторонам от дороги и тихим шагом двинулись вперед через лужи и трясину.

— А теперь в атаку! — воскликнул капитан.

Не медля больше ни секунды, он опустил забрало и послал коня в галоп, раскручивая над головой тяжелый боевой цеп.

Вдохновленные командиром, готовым бесстрашно бросить вызов смерти, остальные рыцари ринулись следом за ним навстречу приближающемуся врагу.

Пехотинцы и оруженосцы с трудом пробирались по зыбкой трясине по бокам от колонны всадников, кое-как лавируя между лужами и особо топкими участками земли.

* * *

Франческо Буссоне, прозванный Карманьолой, улыбался. С высоты холма, на котором он расположился, было хорошо видно, что Карло II Малатеста попался на крючок. Все шло по плану. Карманьола усмехнулся, предвкушая победоносное завершение этого дождливого дня, и заметил:

– Никому не нравятся сюрпризы на поле боя, правда, Джованни?

Юный помощник, личный оруженосец Карманьолы, кивнул. В его светлых глазах мелькнули искорки веселья.

– Малатеста кинется на горстку всадников, которых я послал ему навстречу, – продолжал Буссоне, – но он и не представляет, что произойдет потом. Ох, Джованни, как мне больно наносить такой коварный удар моему любимому Милану! Но Филиппо Мария Висконти сам виноват. Этот молодой калека не знает благодарности. Он позавидовал победам, которые я для него и одерживал, а потому сначала отдалил меня, а потом и вовсе прогнал, представляешь? Прогнать меня! Лучшего кондотьера всех времен!

Джованни снова кивнул. Он ловил каждое слово своего господина, графа Кастельнуово-Скривии. В глазах юноши

светилось обожание.

– Я для него завоевал Брешию, Орчи-Нови, Кремону, Палаццо, а потом и Беллинцону с Альтдольфом, оттеснив швейцарцев, которых все так боятся! И как он отплатил мне? Выслал прочь. Вот болван! – не унимался Карманьола.

– Капитан! – раздался вдруг голос, прервав монолог, в котором Франческо Буссоне, по-видимому, намеревался излить все обиды на Филиппо Марию Висконти.

– Кто там еще? – раздраженно спросил Карманьола. – Я рассказывал Джованни свою историю, и он слушал с большим интересом. Впрочем, как и всегда.

На вершине холма, с которого граф следил за битвой, показался рыцарь весьма воинственного вида. Его роскошные доспехи сияли, будто дождь и грязь обходили их стороной.

– И откуда вы это знаете? – с усмешкой поинтересовался он. – Ведь ваш оруженосец немой!

Карманьола так возмутила подобная дерзость, что он зашелся в приступе кашля.

– Вы, Гонзага, следите лучше за собой! – рявкнул он, переведя дух. – Джованни одним взглядом может сказать больше, чем те, кто только и знает, что пустословить. Доложите лучше, солдаты расставлены? Знаете дальнейший план?

– Конечно. Арбалетчики на позициях, они спрятались в болотной грязи и готовы стрелять по флангам противника.

– Замечательно! Тогда хватит тратить время на болтовню. Спускайтесь обратно к дороге и дайте сигнал стрелять. По-

сле того как арбалетчики нанесут урон пехоте и ослабят кавалерию Малатесты, пусть наши основные силы идут в наступление и прорвут строй противника. Если удастся заставить миланцев отойти вправо, мыотрежем их от второй части войска, которая стоит на дороге к Орчи-Нови и которой командует Сфорца. А потом мы легко разгромим оба отряда по отдельности. Все понятно?

— Абсолютно.

— Тогда поскорее выполняйте приказ.

— Конечно, капитан!

Не говоря больше ни слова, Джанфранческо Гонзага развернул лошадь и начал спускаться с холма.

Карманьола покачал головой.

— Тьфу ты, вечно приходится за всем следить самому! — посетовал он. — Хорошо хоть, ты со мной, Джованни.

* * *

Приблизившись к войску противника, Карло II Малатеста взметнул боевой цеп и через секунду обрушил его на щит ближайшего венецианца. Раздался оглушительный лязг. Удар был настолько сильным, что враг потерял равновесие, и Карло молниеносным движением поразил его во второй раз. Всадник не сумел защититься, и железный шар, усеянный шипами, проткнул его наплечник, вонзившись в плоть. Венецианец издал нечеловеческий вопль; по доспехам по-

текли ручьи алой крови.

Малатеста рванул на себя цеп, содрав с противника остатки наплечника вместе с кожаным рукавом и обнажив плечо. Взору предстала окровавленная плоть с воткнувшимися в нее железными обломками. Самый подходящий момент для удара милосердия. Карло раскрутил цеп над головой и в третий раз ударил врага, теперь уже в бок.

Железные шипы вновь проткнули доспехи, и венецианец рухнул с лошади.

Карло выпустил цеп: шипы вонзились так глубоко, что не стоило и пытаться их выдернуть. Это оружие, смертоносное в бою, требовало умелого обращения. Малатеста не раз попадал в сложные ситуации из-за своего цепя, но все равно не хотел отказываться от него: он позволял добиться невероятной скорости атаки, особенно при первом столкновении, что обычно приводило противника в ужас.

Пока поверженный венецианец захлебывался болотной жижей вперемешку с кровью, Карло обнажил меч и потянул за поводья. Конь поднялся на дыбы. Малатеста грозно осматрелся, надеясь, что страх распространится по рядам неприятеля, словно проказа. Однако не успел жеребец вновь опустить копыта на скользкую землю, как капитан увидел зрелище, приведшее в ужас его самого.

Глава 3

Слабости герцога

Миланское герцогство, замок Порта-Джовиа

– Значит, я должна молча, без малейших возражений принять ваше решение? После того, как провела столько дней в страхе за вас! Я защищала вас, словно фурия, не жалея себя! Я помогла придумать и воплотить в жизнь план, освободивший вас от Беатриче! Я подарила вам самую прекрасную в мире дочь! И потеряла еще одного ребенка в прошлом году! Все это я вынесла ради вас, ваша светлость, потому что люблю вас больше жизни! – кричала Аньезе, а глаза ее метали молнии.

Боже, как она была прекрасна! Нежная и одновременно гордая, невероятно обворожительная. Аньезе дель Майно сорвала с головы чепец из белоснежного кружева, и длинные волосы золотистыми локонами рассыпались по плечам. Жемчужные бусины, оторвавшиеся от чепца, покатались по полу и затерялись между ножками бархатных кресел и резного столика.

Он с радостью овладел бы ею прямо сейчас, но Филиппо Мария Висконти прекрасно знал: когда Аньезе в ярости, прикасаться к ней опасно для жизни. Нужно ее успокоить и рассказать, что именно он придумал.

– Любимая, не будьте так суровы со мной, – начал он при-

мирительно. — Я безмерно ценю перечисленные вами заслуги и многие другие ваши достоинства, но все же поймите, что этот брак очень важен для герцогства. Союз с Амадеем Восьмым Савойским совершенно необходим, особенно сейчас, когда против меня выступил Карманьола. Вот почему я женюсь на Марии. Но не бойтесь: ничто не разлучит нас, ведь я люблю вас одну.

Герцог говорил со всей искренностью, на какую только был способен. Однако Аньезе не успокаивалась:

— Конечно, это сейчас вы так говорите! Но пройдет несколько месяцев, молодая супруга окажется в ваших объятиях, и вы обо всем позабудете. Что тогда будет с Бьянкой? Как я объясню дочери, почему вы нас бросили?

Филиппо Мария, сидевший в своем любимом кресле, покачал головой и сделал глубокий вдох. Терпение, мысленно проговорил он. Затем тяжело поднялся, опираясь на костыли, с огромным трудом пересек комнату и приблизился к пламени, горевшему в камине. Проклятые ноги, подумал Филиппо Мария. Если бы только у него было здоровое тело! Герцог еле сдержал возглас негодования. Ухватившись одной рукой за массивный каминный портал, он поднес вторую к огню, надеясь, что тепло подскажет нужные слова. Костыли упали на пол.

Так или иначе, он заметил, что тон Аньезе изменился: поначалу в ее голосе звенела сталь, а сейчас проступила нежность. Взгляд, еще недавно огненный и воинственный, тоже

смягчился. Плавные движения ресниц подчеркивали неожиданную перемену.

Воспользовавшись молчанием герцога, женщина продолжила:

– Я не глупа и понимаю, что толкает вас на подобный шаг. Но и вы должны понять мое беспокойство. Бьянка почитает вас как Бога, да и я тоже. Но враги только и ждут возможности отдалить нас друг от друга, любимый мой. Хоть сегодня Амадей Савойский и провозглашает себя вашим союзником и другом, он уже строит козни и наверняка собирается в будущем выступить против вас. Он ведь не дает за невестой ни гроша приданого, что уже вызывает определенные подозрения. – Аньезе хватило хитрости произнести последние слова чувственно, с легким придыханием.

Филиппо Мария это заметил. Кажется, молчанием ему удалось добиться большего, чем самыми разумными доводами. Он хорошо знал характер любовницы и понимал, что в такие моменты ей совершенно необходимо выплеснуть эмоции. Это помогало Аньезе быстрее справиться с ними. С другой стороны, вечно молчать тоже нельзя, иначе не избежать новой вспышки гнева.

– Аньезе, – сказал Филиппо Мария, повернувшись к ней, – я прекрасно понимаю ваши опасения; более того, я разделяю их. Но все же прошу, доверьтесь мне. Хоть раз я предавал вас с тех пор, как мы вместе? Хоть раз дал повод усомниться во мне? – Взгляд его стал суровым, решитель-

НЫМ.

– Нет, любимый.

– Тогда успокойтесь! – твердо, но не повышая голоса продолжил герцог. – Если я сделаю этот шаг, то лишь с одной-единственной целью: обеспечить нам могущественного союзника. После заключения брака Амадей Восьмой Савойский предоставит войска, солдат и оружие для защиты Милана. Война мне обходится в сорок девять тысяч флоринов ежемесячно! А доходы, даже если выжать из народа налоги до последней капли, не превышают сорока пяти тысяч, так что сами видите, как скудны наши ресурсы. Поэтому, Аньезе, пожалуйста, постарайтесь понять. Этот брак – плата Амадею Восьмому за безопасность наших владений. Ведь против меня и Венеция, и Флоренция!

– Филиппо, я понимаю вас, – ответила Аньезе, подходя к герцогу и беря его за руки. – Разве может быть иначе? Я ведь тоже видела, как завистливые венецианцы хитростью заполучили вашего лучшего кондотьера, пообещав ему золотые горы. И все же не поймите меня неправильно: разве не вы сами прогнали Карманьолу? Сначала призвали его ко двору, а потом оставили ждать на улице и не пожелали с ним разговаривать. Я знаю, почему вы так поступили. Но и вы должны понимать: если втоптать в грязь того, кто был тебе верен, это породит в нем гнев и жажду мести, что намного опаснее жадности, из-за которой вы изначально ополчились на него. – Она крепче сжала ладони герцога.

– Я знаю, но что еще мне оставалось?! – раздраженно воскликнул Филиппо Мария. – Я сделал его правителем Генуи, рассчитывая дать ему богатство и почести, но при этом держать на расстоянии. А он чем отплатил?! По-моему, я, наоборот, чересчур щедр с наемниками. Вы ведь помните, что именно они – не знать, а обычные вояки, привыкшие к жестокости и насилию, – в свое время захватили Милан и до последнего пытались не пускать меня к власти! Только смерть смогла умирить пыл Фачино Кане! Теперь у нас есть Франческо Сфорца, хоть и совсем молодой, но подающий большие надежды. Однако и ему непросто: пока мы разговариваем, он бьется на Ольо с выродками Карманьолы не на жизнь, а на смерть! И кто знает, чем все закончится.

– Не теряйте веру, Филиппо!

– Веру?! – воскликнул герцог. – Вовсе не вера поможет мне выиграть эту бесконечную войну, а только точный расчет и хитрость. И умение быть безжалостнее врагов. Вот почему мне нужен союз с Амадеем Восьмым. Я практически разорен. Каждый день я спрашиваю у Дечембрио и Риччо, сколько денег осталось в казне. Миланская знать потребовала созвать городской совет. Мы в огромной опасности, Аньезе. Поэтому прошу вас, не требуйте от меня невозможного. Я женюсь на Марии Савойской, но только чтобы спасти нас.

Последнее заявление оказало желаемое воздействие. Взгляд молодой женщины стал томным, красивые белые руки нежно погладили усталое лицо герцога. Она помогла ему

сесть напротив камина и произнесла:

– Хорошо, любовь моя. Я больше не буду мучить вас. Позвольте мне лишь отметить, что у ваших врагов в этой истории есть одно слабое место.

– Какое же? – спросил заинтригованный Филиппо Мария.

– Согласитесь, до сих пор Карманьола не нанес вам решающего удара, хотя возможность у него была. После победы при Соммо он практически остановился, словно, несмотря на обиду, еще чувствует привязанность к вам и к Милану. Не все можно купить за деньги, правда? Он выдающийся военачальник, а потому, я уверена, ему гораздо больше нравилось сражаться под вашими знаменами. Именно те битвы принесли ему вечную славу. А что для кондотьера дороже славы? В конце концов, если Венеция приняла его с распростертыми объятиями, так только благодаря признанию, которое он заслужил в сражениях за вас.

– Вне всякого сомнения, но я не понимаю, как это может...

– Сейчас я все объясню, любовь моя, – перебила Аньезе и прижала указательный палец к своим чувственным губам, выбрав самый действенный способ заставить герцога выслушать ее. – Если отправить к Карманьоле гонцов с просьбой несколько придержать военный пыл в отношении Милана, но так, чтобы венецианцы ничего не заметили... Возможно, тогда вы хитростью добьетесь большего, чем ваши люди – оружием.

Герцог улыбнулся. Внезапно ему показалось, что в конце туннеля брезжит свет.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Денег у меня нет, но я пообещаю Карманьоле земли и владения и уговорю поддержать нас.

— Тогда, с одной стороны, вы получите союз с Савойей, а с другой — сможете сдерживать Венецию и, если повезет, отобрать у нее лучшего кондотьера.

— Именно, — согласился герцог. — Все равно ничего другого я сделать не могу.

— Неправда, — возразила Аньезе хриплым от страсти голосом. — Вы столько всего можете сделать! — заговорщически зашептала она ему на ухо. — Поверьте, я жду не дождусь, когда сегодня ночью вы наконец придете ко мне в спальню.

Эти слова мгновенно заставили Филиппо Марию задрожать от удовольствия. Он каждый раз поражался, как ловко Аньезе удаются столь откровенные, совершенно прозрачные намеки. Прямота и решительность делали ее еще желаннее.

Герцог запустил пальцы в золотистые локоны любимой и внимательно посмотрел в прекрасное лицо, утонув во взгляде голубых глаз. Аньезе прижалась алыми губами к его губам. Ее язык проскользнул глубже, ища язык герцога. Филиппо Мария почувствовал, как в груди нарастает желание, постепенно опускаясь все ниже.

Он уже был готов сорвать с себя одежду, когда раздался настойчивый стук в дверь.

– Простите, ваша светлость, – проскрипел резкий, неприятный голос, – у меня новости с поля сражения.

– Черт побери! – прорычал себе под нос Филиппо Мария, уже предвкушавший нежные ласки любимой женщины.

Он откашлялся, сделал глубокий вдох и, как только Аньезе привела себя в порядок, велел посетителю войти.

В комнате появился Пьер Кандидо Дечембрио, придворный советник и доверенное лицо Филиппо Марии Висконти. После бесконечно долгого поклона, которым он приветствовал своего герцога и его фаворитку – хоть и с ноткой презрения в отношении последней, – Дечембрио поднял взгляд.

– Ваша светлость, мой долг сообщить вам, что миланское войско сошло в битве с венецианцами в окрестностях Маклодио. В этот самый момент там, по всей видимости, разворачивается жестокая, кровавая схватка.

Глава 4

Железный дождь

Миланское герцогство, Маклодио

С неба обрушился железный дождь.

Арбалетные болты взмывали в небо, с резким свистом рассекали воздух и поражали миланских солдат. Пехотинцы с трудом продвигались вперед, пытаясь удержаться на ногах, но сохранять равновесие на болотистой равнине было непросто. Первый залп неожиданно ударил сбоку, и многие солда-

ты замертво повалились на землю.

Начался крошечный ад.

Венецианцы на основной дороге внезапно развернулись и стали отступать. Ничего не понимая, Карло II Малатеста на мгновение замер: время как будто остановилось, и вокруг воцарилась невыносимая тишина.

Секунду спустя капитан очнулся и наконец-то осознал происходящее. Впрочем, было уже слишком поздно.

Войска Карманьолы не собирались атаковать: они лишь заманили его в ловушку, совсем простую, но смертельную. Малатеста отправил своих людей захватить противника в клещи, и выйти живыми из этого маневра им уже было не суждено. Об этом явно говорили ряды арбалетчиков, которых Малатеста разглядел только сейчас: они окружили миланскую пехоту на значительном расстоянии и теперь то и дело выглядывали из-за камышей и стреляли в солдат Малатесты, поражая их одного за другим.

Вокруг раздавались ужасные вопли. Карло увидел, как его воин схватился за горло, когда арбалетный болт пронзил ему шею навылет. Другой боец, получив сразу несколько ран, захлебнулся в грязной воде болота. Третий широко раскинул руки, а в грудь ему дьявольскими иглами впивались стрелы.

Пехотинцы падали один за другим, а следом за ними оказались на земле и многие всадники. Раненые лошади громко ржали и застревали в болотной жиже, путаясь в рваных пополах и разбитых доспехах, о которые продолжали стучать

железные наконечники арбалетных болтов.

Один из всадников пытался успокоить перепуганного коня: тот поднялся на дыбы и месил копытами воздух, тряс гривой, насквозь мокрой от дождя. Не добившись успеха, рыцарь хотел было остановить животное силой, резко дернув за поводья, но потерял равновесие и вывалился из седла в грязь, где его тут же затоптал другой гнедой жеребец, оставшийся без всадника и пытавшийся сбежать из бесконечного кошмара битвы.

Миланская армия терпела поражение. Застигнутые врасплох неожиданной атакой, вязнувшие в грязи, потерявшие немало людей в арбалетном штурме, солдаты уже были готовы разорвать строй и обратиться в беспорядочное бегство, что принесло бы противнику безоговорочную победу.

Пытаться атаковать в такой ситуации было бы чистым безумием. Впрочем, когда Карло повернул назад, он понял, что отступать тоже некуда. Дорогу полностью перекрыло: упавшие лошади, кричащие от боли раненые, трупы, брошенные знамена, рваные конские попоны – все это, смешавшись в кучу, не давало вернуться на линию обороны. Да и существовала ли она еще? Карло сильно сомневался в этом, а вокруг продолжали свистеть арбалетные болты. Пара стрел, должно быть, попала в коня, потому что ноги у животного подкосились, и Малатеста свалился прямо в заболоченную канаву справа от дороги.

Липкая грязь захлестнула его с головой. С огромным тру-

дом Карло поднялся на четвереньки, глядя, как вокруг продолжают падать раненые и убитые солдаты. Теперь место арбалетчиков заняли вражеские пехотинцы, и они атаковали его людей, нанося удары булавами и топорами.

Вскоре миланское войско было разбито. Карло почувствовал, как его схватили руки в железных перчатках, и очнулся. Он выдернул меч и не глядя рубанул им что есть силы. Раздался нечеловеческий вопль, перекрывший даже лязг железа. Малатеста увидел венецианского пехотинца с обрубком руки, откуда фонтаном била кровь. Похоже, Карло удалось отразить нападение, но задумываться было некогда. Он толкнул вражеского солдата в грязь и поспешил дальше. Выбраться из этого светопреставления было непросто, но он решил попытаться. Сзади раздался еще один вопль. Малатеста обернулся. Рыцарь из миланцев, получив смертельный удар, рухнул в трясину вместе с конем. Смерд железа и крови сгустился в воздухе, крики молотом стучали в ушах, солдаты ползали по земле, точно черви, в безнадежной попытке вырваться из царящего вокруг ада.

Тут что-то ударило Карло в бок, снова опрокинув на землю.

Он почувствовал, что ему не хватает воздуха, попытался встать, но не смог. Его будто пригвоздило к земле. С невероятным усилием Малатеста предпринял новую попытку, но очередной удар вновь толкнул его в трясину. С головы поверженного командира сорвали шлем. Волосы у Малатесты

слиплись от пота и крови. Ледяной дождь принес ему бессмысленное чувство облегчения, но лишь на мгновение.

* * *

Франческо Сфорца беспокоился все сильнее. Он со своим отрядом должен был удерживать дорогу на Орчи-Нови, но время шло, а никто так и не появился. Бомбарды, заряженные камнями и гвоздями, привели в боевую готовность, солдаты жаждали обрушить град смертоносных снарядов на врага, но атаковать было некого. Один лишь дождь нарушал странную тишину. Капли отбивали по шлемам печальную литургию, не предвещавшую ничего хорошего.

Вдруг с правой стороны появился солдат, весь в крови и грязи. Сфорца хотел было дать команду стрелять, но вовремя понял, что человек в доспехах свой, из миланского войска.

Он вскинул руку, чтобы никто не вздумал убить раненого.
– Помогите ему! – прогремел капитан, поднимаясь в стреленах во весь рост. – Разве не видите, что он из наших?!

Повинуясь приказу, пара арбалетчиков выбежали из строя и кинулись к солдату, который еле держался на ногах. Они подхватили раненого с двух сторон и потащили к капитану, стараясь двигаться как можно быстрее. Наконец троица приблизилась к Франческо Сфорце, который по-прежнему возвышался над своим гнедым скакуном, приподнявшись в

стременах.

Раненый рухнул на колени перед капитаном. Стянув шлем, который, казалось, не давал ему дышать, солдат отшвырнул его прочь в бессильной злости.

– Говори, – поторопил его Франческо Сфорца, – что произошло?

– Все пропало... – прохрипел солдат. – Пиччинино и его войско разбиты.

– Что?! – воскликнул Сфорца, не веря собственным ушам. Его конь принялся ходить по кругу, будто чувствуя холодную тихую ярость, нарастающую в груди хозяина.

Солдат не смел поднять взгляд. Его слова звучали словно приговор.

– Карманьола подготовил коварную ловушку, – пробормотал он. – Я чудом остался в живых.

Не медля больше ни секунды, Франческо Сфорца развернул коня к войску, забыв о несчастном, который бессильно рухнул на землю.

– Солдаты! – крикнул Сфорца. – За мной! Поспешим на помощь Малатесте и Пиччинино!

Воинственные крики слились в оглушительный рев. В то же мгновение Сфорца пустил скакуна в галоп, надеясь успеть прийти на выручку миланскому войску.

Глава 5

Воды лагуны

Венецианская республика, палаццо Барбо

Увидев брата, которого она любила больше жизни, Полиссена вскочила с кресла, обитого коралловым бархатом, и побежала к Габриэле, который уже спешил ей навстречу, раскрыв руки для объятия. Он только что вернулся из Рима и был одет в кардинальскую сутану насыщенного пурпурного цвета.

Помимо них, в библиотеке находились Никколо, супруг Полиссены, и ее двоюродный брат Антонио Коррер, тоже кардинал.

Полиссена явственно ощущала беспокойство брата: тот приехал навестить ее, а оказался в самом центре запутанного клубка политических интриг.

– Совет десяти поддерживает наш план, – подтвердил Никколо. – Как раз сегодня я обсудил этот вопрос с Веньером и Морозини. Дождитесь, что вы примете Святой престол. Дни семьи Колонна сочтены.

– Ну да, как же! Похоже, вы заранее все решили? – запротестовал Габриэле, хоть и не особенно рьяно. Скорее было похоже, что он готов принять свой удел, причем даже не без удовольствия. – Я только не понимаю, почему вы думаете, что у меня получится? И почему тогда не выбрали Антонио?

– Мы уже говорили об этом, кузен, – вступил в разговор сам Коррер. – Потому что мой дядя Анджело уже был папой римским. И прежде чем вы скажете, что он и ваш дядя тоже, я хочу напомнить, что у нас с ним одна фамилия. А у вас она другая. Вот почему мои шансы гораздо ниже. Вы же знаете, что не стоит подогревать слухи, будто мы хотим основать династию понтификов.

– Именно так, – поддержал его Никколо, поглаживая жидкую бороду. – А вот вы, Габриэле, просто идеальный кандидат. Вы обладаете высоким положением, но ваша семья, пусть и весьма состоятельная, избежала дурной славы. Никто в римских гостиных не станет болтать, будто вы жаждете богатства и власти. Вы отлично подходите на роль папы. И хотя нынешний понтифик еще пребывает в добром здравии, нам следует подготовиться.

– Вне всяких сомнений, – подтвердил Антонио Коррер. – Венеция сейчас на вершине успеха. Если Карманьола и правда победит Филиппо Марию Висконти, наша сфера влияния наверняка расширится. Однако, чтобы укрепить положение на материке, Венеции нужен дружественный папа, а если судить по недавним событиям, сейчас такого преимущества у нас нет.

– Вы намекаете на визит Мартина Пятого к герцогу Миланскому? – уточнил Габриэле.

– Именно, – отозвался Антонио, присаживаясь напротив Полиссены. Он провел рукой по черным волосам, гладким,

будто шелк. – С другой стороны, Конгрегация каноников Святого Георгия в Альге постепенно начинает приносить плоды. По нашему примеру собираются и другие религиозные братства: Святого Иакова в Монзеличе, Иоанна Крестителя в Падуе, Святого Августина в Виченце, Святого Георгия в Вероне. Это довольно неожиданный, но несомненный успех.

– Объединяясь в конгрегации, люди с благородными помыслами способны лучше понять истинное значение веры, – с искренним убеждением заявил Габриэле.

– Безусловно, дорогой брат, – согласилась Полиссена. – Но надо помнить и о том, что распространение таких обществ увеличивает политическое влияние нашей республики.

– Значит, и вы с ними заодно, сестрица? – Габриэле восторженно поднял бровь, но не удержался от улыбки.

Полиссена хотела ответить, однако Антонио ее опередил:

– Дорогой кузен, я чувствую, вас что-то беспокоит. Откройтесь нам, поделитесь своими тревогами.

Габриэле не стал искать обходных путей. Он привык высказываться прямо. Подобный характер мог сослужить ему дурную службу, но, по мнению Полиссены и Антонио, именно это делало Габриэле прекрасным главой для Римской церкви.

– Честно говоря, я чувствую себя пешкой в чужой игре. И я даже готов принять правила – в конце концов, какой смысл противиться судьбе, – но пусть меня хотя бы ставят в извест-

ность о происходящем.

Никколо Барбо едва удержался от резкого ответа.

– Хорошо, Габриэле, все понятно. Вот сейчас мы, ничего не скрывая, ставим вас в известность о том, что Венеция будет всячески способствовать вашему назначению следующим папой римским. Я понимаю, что это не ваш выбор, но мы все надеемся, что вы не откажетесь выполнить свой долг перед республикой, для которой каждый из нас готов принести любую жертву, какая только потребуется.

Полиссена метнула на мужа яростный взгляд. Она разделяла его точку зрения, но такая постановка вопроса могла оттолкнуть Габриэле. Ее брат упрям, и если он почувствует, что его загнали в угол, то может и порушить все их планы.

– Простите резкость моего супруга, дорогой брат, – поспешила вставить она. – Никколо высказался слишком прямолинейно, хотя при этом абсолютно честно.

– Я знаю, Полиссена, и полностью согласен с его словами. Теперь, когда мне ясно, чего вы ждете от меня, позвольте уверить, что я не имею ни малейшего намерения уклоняться от своих обязательств перед республикой. Я прекрасно осознаю стратегическое значение Рима для Венеции.

– Подумайте и о Болонье, Габриэле, – добавил Антонио. – Семействам Феррара и д'Эсте придется умерить спесь, когда они окажутся зажаты между нашей материковой армией с одной стороны и силами понтифика – с другой. И это лишь первое из множества преимуществ, которые сулит ваше из-

брание папой.

– А если учесть, что вы как раз кардинал Болоньи... – усмехнулась Полиссена.

– Верно. Словом, все решено? Как только Мартин Пятый отойдет в лучший мир, нужно будет всего лишь убедить конклав избрать меня, правильно? Но это тоже не так просто, – заметил Габриэле, однако его поведение неуловимым образом изменилось. Если поначалу его сомнения звучали искренне, то теперь чувствовалось, что он возражает скорее из суеверия, не желая заранее праздновать победу.

– Возможно. Однако мы точно знаем, что Орсини выступят против Колонны. Они не настолько сильны, чтобы выставить собственного кандидата, поэтому Джордано Орсини поддержит вас. То же самое можно сказать и об Антонио Панчере. Ну и обо мне... Видите, уже три голоса.

– Но их нужно намного больше.

– Не волнуйтесь на этот счет, я позабочусь о том, чтобы обеспечить вам необходимую поддержку. Вы будете папой, Габриэле, верите вы в это или нет, – торжественно подытожил Антонио Коррер.

Никколо по очереди посмотрел всем собеседникам в глаза. То же самое сделала Полиссена. Затем, будто скрепляя тайный договор между ними, она произнесла:

– Провал недопустим.

В ее словах было столько решимости, что кровь на миг застыла в жилах Габриэле.

Глава 6

Поражение

Миланское герцогство, Маклодио

Не раздумывая ни секунды, Сфорца развернул коня и помчался в сторону Ураго. Его люди понеслись следом, словно подгоняемые тысячей чертей. Возиться с бомбардами было некогда, поэтому капитан поручил небольшой группе разобрать их и перетащить на другой берег Адды, ближе к Милану.

За Франческо Сфорцей следовали его лучшие рыцари, в общей сложности шестьсот человек. Он не знал, что их ждет, но отчаянно спешил, всей душой надеясь успеть вовремя.

Карманьола с умом разыграл карты. Он направил большую часть своего войска против солдат Малатесты и Пиччинино – основных сил миланской армии – и атаковал центральный отряд, разбив армию врага надвое. В результате Сфорца со своими людьми оказался полностью отрезан от сражения.

На полпути от Маклодио до Ураго капитан наконец понял, что его ожидает. Дорога превратилась в полотно липкой грязи, а с обеих сторон тянулись нескончаемые болота. Разглядел он и какое-то движение, издавека напоминавшее копошение муравьев.

Подъехав ближе, Сфорца увидел останки миланского вой-

ска: растерзанные, изуродованные тела, искаженные болью лица, раскрытые в последнем крике рты. Ехать по дороге тем временем становилось все сложнее – мешали горы трупов. Повсюду валялись обломки доспехов, раздавленные и покоренные шлемы, смятые щиты и брошенные мечи.

Франческо Сфорца осенил себя крестным знамением. Зрелище действительно ужасало. Внезапно он что-то услышал: вдалеке, в стороне Ураго, раздавался лязг мечей. Похоже, кто-то еще пытался сражаться, несмотря на кошмарный исход битвы.

Сфорца прищипорил коня, пересек усеянное телами поле боя и во весь опор помчался по направлению к Ураго, откуда доносились звуки схватки. Его рыцари вновь поспешили следом, но если раньше они подбадривали друг друга воинственными криками, то после увиденного рассекали холодный вечерний воздух в тяжелом молчании.

Небо налилось свинцом. Поднимался влажный туман, будто саваном окутывая болотистую равнину. Копыта отбивали зловещую мелодию смерти. Безжалостный лязг мечей приближался. Вскоре Франческо Сфорца разглядел жалкую горстку миланцев, которая отчаянно отбивалась от венецианских рыцарей, заметно превосходящих их числом. Капитан поднял меч, а затем резко опустил его, давая приказ атаковать. Миланские воины кинулись на неприятеля.

Сфорца изо всех сил ударил первого всадника, попавшего ему на пути. Венецианец устоял на собственную ру-

ку, внезапно вывернутую под неестественным углом, заорал и свалился с седла. Вид раненого противника усилил ярость капитана, и он тут же снова рубанул мечом, отправив другого не успевшего защититься рыцаря прямо в грязную жижу. Едва тот свалился в трясины, подбежал пехотинец из миланского войска и воткнул пику в грудь врага. Сфорца продолжил биться и двумя мощными рубящими ударами поразил еще одного воина. Очень скоро его люди окончательно разгромили венецианцев, а немногие выжившие обратились в бегство.

– Капитан, впереди! – крикнул миланский солдат, показывая в сторону Ураго левой рукой. Из правой он ни на секунду не выпускал древко флага, словно от этого зависела его жизнь. Знамена с лазурным змеем и черным орлом покрылись брызгами крови и грязи. – За тем поворотом Никколо Пиччинино!

Франческо Сфорца молча кивнул и что есть силы прищипил коня. Может, так он хоть вернется не с пустыми руками. Пиччинино отличный капитан; пусть он недооценил Карманьолу, его шкуру все же стоит спасти. С мечом в руке Сфорца поскакал через кровавое месиво и густой туман к указанному повороту. Он чувствовал, как конь под ним дрожит от ярости и прибавляет ходу; из ноздрей животного валит пар, мускулы напряглись от бешеной скачки.

За поворотом Франческо увидел, как по правую сторону от дороги остатки солдат и пеших рыцарей из последних

сил пытались лишить друг друга жизни. Изнуренные войны бились медленно и неохотно, обе стороны будто исполняли неприятную обязанность, дожидаясь возможности бросить это занятие.

Не медля ни секунды, но осторожно, чтобы конь не сломал ногу, Сфорца спустился с дороги в болотную жижу. Копыта лошади вязли в топкой земле, размытой водой, но кое-как капитан сумел добраться до места, где разворачивалась схватка. Здесь почва, хоть и по-прежнему покрытая лужами, была потверже. Поднимая фонтаны грязи, Сфорца и его рыцари поспешили к еще довольно многочисленной, но совершенно обессиленной группе венецианцев.

Против них бился раненый Никколо Пиччинино вместе с несколькими верными боевыми товарищами. Кондотьер еле держался на ногах, но все же отражал удары противников. Его кирасу заливала кровь. Похоже, его ранили в плечо: на правой руке не осталось ни наруча, ни наплечника.

Увидев спешащих ему на помощь рыцарей, Пиччинино утроил усилия.

– Держитесь, солдаты! Капитан Франческо Сфорца с нами! – выкрикнул он, со всей силы рубанув мечом противника и повалив его на землю. Затем в отчаянном стремлении спастись Пиччинино мгновенно, словно кошка, запрыгнул на коня, которого подвели к нему люди Сфорцы, а сам Франческо и его рыцари продолжили сражаться.

Пиччинино видел, как один из венецианцев раскинул ру-

ки и запрокинул голову, когда миланец пронзил его мечом со спины. Другой солдат неприятеля рухнул под ударом боевого цепа. Третьего соратники Сфорцы разрубили пополам.

Это была настоящая бойня. Пока венецианцы падали один за другим, Никколо Пиччинино обратился к капитану, пытаясь перекричать лязг железа:

– А дальше что будем делать?

Франческо Сфорца поднял забрало, посмотрел прямо в глаза Никколо своим холодным спокойным взглядом и спросил:

– Что стало с вашей армией и с войском Карло Малатесты?

– Всех разбил Карманьола.

– Вы смогли нанести урон венецианцам?

– Небольшой. Если мы двинемся в сторону Ураго, то подставимся под удар основных венецианских сил. Мы чудом остались в живых.

– А остальные? – спросил Сфорца, похоже не до конца веря собственным глазам.

– Убиты или взяты в плен.

– Малатеста?

– Одно из двух.

Франческо Сфорца еще раз взглянул на Пиччинино и покачал головой.

– Отступаем! – крикнул он своим бойцам. – Я и так потерял слишком много людей, а сейчас у нас каждый человек на счету.

Не говоря больше ни слова, капитан развернул лошадь и вместе с Пиччинино и оставшимися солдатами поспешил в сторону Орчи-Нови. Нужно было скрыться, пока Карманьола и его отряды не кинулись вслед за ними, словно темные ангелы смерти.

Глава 7

Сан-Николо деи Мендиколи

Венецианская республика, церковь Сан-Николо деи Мендиколи

Полиссена добралась до церкви Сан-Николо деи Мендиколи с первыми проблесками зари. Бледное осеннее солнце поднималось из-за горизонта, и его лучи пробивались сквозь тонкое покрывало облаков, окрашивая зеркальную гладь лагуны в изумрудный цвет. Женщина отлично знала, что находится в одной из самых опасных контрад⁶ Венеции, населенной рыбаками и разбойниками. После бедности и грязи узких переулков особенно поражала внезапно открывающаяся взгляду живописная церковь из красного обожженного кирпича со вставками из белоснежного камня, простая и вместе с тем завораживающая. Небольшая площадь, на которой высилась церковь, выдавалась мысом в сторону Фузины. С трех сторон его окружало зеленоватое зеркало воды, которое покрывалось рябью, когда по нему плавно скользили нетороп-

⁶ Округ или район средневековых итальянских городов.

ливые гондолы или нагруженные товаром лодки рыбаков.

Легкий ветер постепенно усиливался. Полиссена поправила локон, спускавшийся к уголку алых губ. Казалось, будто он случайно выскользнул из тугой косы, переплетенной нитями жемчуга, но на самом деле Полиссена позволила себе небольшую хитрость, чтобы стать еще желаннее в глазах того, с кем собиралась встретиться. Эту женщину уже нельзя было назвать юной, но ее красота по-прежнему блистала. Платье из расшитого бархата, плотно облегающее грудь и расширяющееся книзу, невероятно стройнило ее. Сияние огромных голубых глаз оттеняла алебастровая кожа. В соответствии с правилами приличия женщина надела длинную накидку, отороченную мехом и застегнутую роскошной золотой брошью с драгоценными камнями. Накидка защищала от утреннего холода и при этом надежно скрывала прелести хозяйки от посторонних глаз.

Но Полиссена вполне была готова продемонстрировать всю свою красоту тому, кто ждал ее в церкви: пусть он и священнослужитель, но, как ей известно, отнюдь не равнодушен к женскому очарованию. По крайней мере, так утверждал ее кузен Антонио. Предстоящая беседа была настолько важна для будущего семьи, что Полиссена никак не могла позволить себе потерпеть неудачу. Вот почему Антонио и настоял на том, чтобы именно она встретилась с патриархом Аквилеи. Надо испробовать все пути, сказал кузен, заговорщически блеснув глазами.

Полиссена согласилась. Теперь она шла к церкви с замирающим сердцем, безумно боясь наткнуться на каких-нибудь проходимцев, которые вечно слоняются по улицам в этой части города, например на николотти – жителей квартала близ Сан-Николо, состоящих в кровной вражде с кастеллани, кланом из района Кастелло.

Естественно, Полиссена Кондульмер не имела никакого отношения к воюющим кланам, но она, несомненно, подвергалась серьезному риску, придя сюда. Не случайно ее муж и брат поначалу воспротивились плану Антонио. Однако она твердо стояла на своем, и мужчинам пришлось согласиться, правда с условием, что ее сопровождает слуга из дома Барбо – мускулистый широкоплечий парень, сильный, как бык. Рядом с ним Полиссена чувствовала себя в безопасности, однако в церковь ей предстояло войти одной, чтобы не навлечь лишних подозрений, и страх скользнул у женщины по спине неприятным холодком.

* * *

Она прошла несколько шагов между гладких колонн правого нефа и увидела, как в полумраке одной из ниш шевельнулся человек – по всей видимости, именно тот, с кем ей предстояло встретиться. Полиссена решительно двинулась вперед, повторяя про себя, что все обязательно пройдет наилучшим образом. Ее шаги гулким эхом отдавались в пустой

церкви. Она надеялась, что святой Николай, в честь которого воздвигли церковь, и сами стены храма Божьего защитят ее, но все же на всякий случай спрятала острый кинжал во внутренний карман накидки.

Полиссена приблизилась к ожидавшему ее человеку, и тот вышел из полумрака. Его лицо избороздили морщины, но магнетический взгляд голубых глаз, похожих на капли воды, проникал в самое сердце. Женщине показалось, будто она видит в них отражение своей души. В остальном кардинал Антонио Панчьера казался вполне заурядным: около семидесяти лет, не слишком высокого роста, с широким лбом и редкими пучками седых волос, торчавшими из-за ушей. Большой нос и широкий подбородок тоже не добавляли ему красоты, однако Полиссена была вынуждена признать, что его лицо приковывало внимание и странным образом завораживало.

На кардинале было монашеское одеяние – тяжелая черная ряса с капюшоном, которая лишь ярче подчеркивала сияние его глаз. Показная скромность наряда говорила о том, что служитель церкви намерен проявить максимальную осторожность.

Полиссена подошла ближе, и Антонио Панчьера протянул ей руку. Женщина поднесла ее к губам, опустившись в еле заметном поклоне, чтобы не выказывать слишком открытое почтение кардиналу, пожелавшему сохранить инкогнито.

– Итак, мадонна⁷, вот мы и встретились в одной из самых старинных церквей Венеции, – спокойно произнес Панчье-ра.

– Мы одни, ваше высокопреосвященство? – прошептала Полиссена Кондульмер.

Кардинал кивнул и пояснил:

– Бедные здешние монахи переживают не лучшие времена, как вы можете заметить по голым стенам и колоннам церкви. Братья с радостью приняли мое скромное пожертвование и пообещали, что никто нас не побеспокоит. Так что вам нечего бояться, можете говорить свободно. Если не ошибаюсь, ваш кузен Антонио проявил изрядную настойчивость, добиваясь этой встречи.

Полиссена знала, что подходить к делу нужно осторожно. Излишняя откровенность недопустима, однако нужно объяснить кардиналу, в чем состоит просьба. Она решила начать издалека:

– Ваше высокопреосвященство, конечно же, вы спрашиваете себя, зачем я здесь. При этом для вас, безусловно, не секрет, что я принадлежу к роду, который уже много лет проявляет особую чуткость и истинную преданность вере и духовной жизни.

– Кто же не знает вашего дядю Анджело Коррера! Он был выдающимся папой римским и великим служителем церкви.

– Безусловно, ваше высокопреосвященство. Кроме того,

⁷ Моя госпожа (*ит.*); старинное вежливое обращение к даме.

ему удалось сплотить вокруг себя знатных людей, чтобы тем самым способствовать обновлению ценностей и идеалов христианской морали.

– Я так понимаю, вы говорите о Конгрегации каноников Святого Георгия в Альге?

– Именно.

– Я хорошо осведомлен о деятельности ордена и безмерно благодарен вашим дяде и брату за ту самоотверженность, с которой они основали эту более чем достойную организацию, а также за усилия, неустанно прилагаемые вашей семьей для поддержания ее деятельности. Однако, признаться, я никогда и не скрывал искреннего восхищения перед делами семьи Коррер, а потому вынужден спросить: зачем вы завели об этом речь? Возможно, таким образом вы хотите подойти к вопросу, который по-настоящему тревожит ваше сердце? – Кардинал слегка наклонил голову, украдкой разглядывая обворожительную собеседницу.

Полиссена сразу поняла, что Антонио Панчьера предлагает ей говорить прямо, и с благодарностью воспользовалась этой возможностью:

– Ваше высокопреосвященство хорошо знает, что наша любимая Венеция ежедневно подвергается опасности со стороны множества беспощадных врагов. Только недавно Милан развязал новую войну с нашей республикой. Флоренция колеблется, Ферраре распри только на руку, да и Мантуе тоже, а понтифик – безусловно, по более чем уважительным

причинам – занят совсем иными хлопотами. Восстановление Рима – его святая обязанность, однако, простите мне подобную дерзость, при этом папа, похоже, не забывает облагодетельствовать и собственную семью.

Кардинал Панчьера молча кивнул, подтверждая справедливость слов Полиссены.

Она продолжила:

– Это еще не все. Вспомните об освящении Миланского собора. Нет ничего странного в том, что папа сделал остановку в Милане, возвращаясь из Констанцы в Рим. Но, согласившись освятить собор, понтифик сблизился с заклятым врагом Венеции. И заметьте, во время своего путешествия он не посетил ни одного города нашей дорогой республики. Всего два года назад папа нанял Франческо Сфорцу, чтобы победить Браччо да Монтоне в сражении при Аквиле, а теперь тот же самый Франческо Сфорца воюет против нас под знаменами герцога Миланского. Почему я напоминаю вам об этом? Потому что, желая нашему папе долгой, плодотворной и счастливой жизни, я не могу не задаваться вопросом о том, что произойдет, когда Мартин Пятый завершит свое пребывание на высоком посту.

Панчьера улыбнулся:

– Теперь мне все понятно. Ваш вопрос вполне закономерен.

– Его задают себе все те, от чьего имени я говорю.

– Это значит, что вы представляете дожа? – с легкой

усмешкой поинтересовался кардинал.

– Я представляю богатые и влиятельные семьи Венеции, которые, как известно, при помощи сложной системы выборов назначают дожа. Сегодня все мы не без опасений посмотрим в будущее, ваше высокопреосвященство, спрашивая себя, что нас ждет, если семейство Колонна вновь приведет на Святой престол своего родственника.

Желая поддержать собеседницу, кардинал Панчьера сжал ее руки:

– Моя дорогая, не нужно бояться. Даю вам слово истинного сына Венеции сделать все возможное, чтобы такого не произошло.

Именно этого и добивалась Полиссена. Чтобы закрепить успех, она притворилась, что поправляет брошь, скрепляющую накидку, и на мгновение предоставила взгляду его высокопреосвященства пышные прелести, виднеющиеся в вырезе платья. И даже сделала глубокий вдох, усиливая эффект.

При виде ее трепещущей груди в глазах служителя церкви мелькнула искра удовольствия.

Полиссена поправила накидку и продолжила разговор, уже не сомневаясь, что кардинал у нее на крючке.

– Значит, по-вашему, это возможно? Однажды – безусловно, в далеком-далеком будущем, ведь мы желаем папе долгих лет жизни, – когда состоится следующий конклав... вы отдадите свой голос за моего брата?

- Обещаю вам. Надеюсь, моя поддержка встретит вашу благосклонность?
- Не сомневайтесь в этом.
- Если позволите, мадонна...
- Конечно, ваше высокопреосвященство.
- Думаю, кардинал Джордано Орсини тоже мог бы нас поддержать.
- Вы совершенно правы: мой кузен, кардинал Антонио Коррер, уже работает в этом направлении.
- Замечательно. Вот увидите, в нужный момент мы сможем обеспечить большинство голосов.
- Ваше высокопреосвященство, конечно, вы понимаете, что это не я прошу вас о помощи, а...
- Венеция. Безусловно, мадонна, я понимаю. А теперь, пожалуй, нам стоит попрощаться. Кто-то идет. – И Антонио Панчьера кивнул на задние ряды церковных скамеек.

Глава 8

Кастор и Полидевк

Миланское герцогство, замок Порта-Джовиа

Этот замок возвели на месте древних ворот, носивших имя Юпитера. Построить его приказал Галеаццо II Висконти шестьдесят лет тому назад. Мрачная громада здания, казалось, стала воплощением темной силы рода, который подчинил своей власти Милан и водрузил здесь свое знамя с

лазурным змеем. В углах квадрата, образованного исполинскими каменными стенами, стояли четыре башни: две более крупные были обращены в сторону города, две другие – к необъятным охотничьим угодьям. Галеаццо II и его потомки очень любили проводить здесь время.

Филиппо Мария пошел дальше: он видел в замке Порта-Джовиа не просто одну из надежных крепостей, а настоящий герцогский дворец. Именно здесь он жил и держал свой двор. В окружении неприступных стен замка Висконти чувствовал себя защищенным, непобедимым.

Войти в ворота Порта-Джовиа означало сдаться на милость Филиппо Марии.

Отдавая лошадь на попечение конюха, гонец истекал холодным потом от страха. Звали парня Анджело Барбьери, но, как принято у солдат, все знали его по прозвищу Герольд, полученному за необычный дар: своеобразную неуязвимость, помогавшую Анджело выходить целым и невредимым из самых опасных схваток. Не то чтобы Барбьери был особенно смел или ловок в бою. Конечно, он умел обращаться с оружием, но именно удача – или умение вовремя отступить – помогала ему избегать опасностей. Этим Анджело и напоминал герольдов: знатоков гербов, истории дворянских родов, парадного оружия – словом, тех, кто изучает форму, а не содержание. По мнению многих, причина его необыкновенной удачливости крылась в том, что он тщательно остерегался опрометчивых поступков. Герольд любил прихваст-

нуть военными подвигами, но как раз знание гербов, цветов и символов различных войск помогало ему предугадать развитие событий и всегда оказаться в нужном месте поля боя – там, где опасность была наименьшей. Словом, настоящий герольд!

Однако во время битвы при Маклодио, обернувшейся разгромом для миланского войска герцога Висконти, знаток дворянских родов рисковал навеки распрощаться со своей удачей.

Отряд Пиччинино, в котором он служил, стоял на дороге к Ураго, и когда венецианцы разбили миланцев, Анжело решил, что в этот раз ему уже не спастись. Однако тут подоспел Франческо Сфорца и отбил небольшую группу солдат, включая Герольда. Вечером, когда выжившим удалось укрыться в Орчи-Нови, Сфорца попросил у Никколо Пиччинино надежного рыцаря, которого можно отправить с новостями к герцогу, и тот не раздумывая указал на Анджело Барбьери. Да и прозвище у него было подходящее: кто лучше Герольда исполнит роль гонца? Словом, Франческо Сфорца поручил Анджело известить Филиппо Марию Висконти о понесенном поражении и лично усадил в седло.

Герольд стрелой понесся сквозь сгущавшиеся сумерки и преодолел расстояние от Орчи-Нови до Милана невероятно быстро. Он подъехал к замку, когда прозрачное небо над массивными башнями озарилось опаловым светом первых лучей солнца.

А теперь двое стражников вели его в покои герцога.

* * *

Филиппо Мария нервничал. Как обычно. После того как Дечембрио сообщил ему о битве, разразившейся в Маклодио, герцог почти не спал в ожидании вестей об итоге сражения. Он не сомкнул глаз до зари, равно как и все следующие сутки. Зная, что в ожидании новостей с фронта уснуть не удастся, Филиппо Мария остался за столом: пил вино и развлекался, кидая кости двум любимым псам мастифам, носящим клички Кастор и Полидевк. Собаки никогда не предавали хозяина, не то что люди. Они не осуждали его и всегда оставались верны, что бы он ни делал. Герцог обожал своих псов.

Как нередко бывало, Филиппо Мария расположился в Голубином зале, получившем свое название из-за огромного гобелена во всю стену: белая птица в центре золотистого солнечного диска, распростершего лучи по небу цвета крови. В центре зала стоял массивный стол, заставленный подносами с почти не тронутыми пирогами и жареной дичью, вазами с фруктами и кувшинами вина. Филиппо Мария кинул очередную кость черному как смоль Кастору и ждал, пока тот принесет ее обратно. Полидевк – второй мастиф, серого цвета, – смотрел на хозяина маленькими полуприкрытыми глазками, высунув язык. Умильное выражение его морды со-

ставляло забавную противоположность мощному телу.

– Ну же, Кастор, – поторопил герцог, отпивая вино из кубка, – давай, неси сюда кость.

Пес тут же побежал к хозяину, неуклюже переставляя лапы, и положил к его ногам свиную голень, обглоданную добела.

Филиппо Мария опустился на пол, поднял кость и почесал мастифа за ухом. Пес довольно взвизгнул.

– Полидевк, иди сюда! – с нежностью позвал герцог вторую собаку.

Серый мастиф тут же вскочил и подбежал к хозяину. Филиппо Мария рассеянно швырнул кость, и Кастор кинулся следом, скользя лапами по гладкому полу в отчаянной попытке схватить кость, пока она еще в воздухе. Это ему не удалось.

Герцог расхохотался.

– Вот ты и попался, парень! – радостно воскликнул он и погладил по голове подбежавшего Полидевка, который тихо зарычал от удовольствия.

Как и все хорошее, время отдыха внезапно закончилось. Раздался стук в дверь. Филиппо Мария дал приказ войти и увидел двух гвардейцев. Они вели незнакомца, перемазанного грязью и совершенно измотанного: похоже, он провел много часов в пути. Тем не менее герцог не слишком-то обрадовался непрошеному гостю, нарушившему его покой ранним утром.

– Какого черта вам надо? И кто это такой? Как вы смее-те беспокоить вашего герцога в такой час? – со злобной гри-масой рывкнул Филиппо Мария. – Разве вы не видите, что я занят? – Ему нравилось проверять выдержку гвардейцев, осыпая их всевозможными оскорблениями.

– Ваша светлость, – ответил один из стражников, – мы привели человека, который прибыл прямо с поля битвы в Маклодио.

Услышав слово «битва», Филиппо Мария раздраженно скривился и бросил:

– Так говори же! Что застыл столбом? Тебе письменное приглашение нужно?

Чувствуя нарастающий гнев хозяина, Кастор угрожающе зарычал. Полидевк поднял морду и присоединился к нему.

– Ваша светлость, меня зовут Анджело Барбьери, – по-спешно произнес гонец. – Я солдат из отряда Никколо Пич-чинино. Но все знают меня под именем Герольд.

– Герольд... – повторил Филиппо Мария Висконти, изогнув бровь. – Ну, если уж тебе надо было выбрать имя, то это подходит прекрасно! Но мы здесь не для того, чтобы обсуж-дать такие глупости! – взревел он с неожиданной яростью, подтверждая легенды о своей необыкновенной вспыльчиво-сти. – Судя по твоим пустым разглагольствованиям, ты тя-нешь время. И это плохой знак. Или я не прав?

Анджело смотрел на него, не зная, что ответить.

– Ну же! Расскажи мне о битве!

Герольд покачал головой:

– К сожалению, я принес дурные вести.

– Это я уже понял, Герольд! – Филиппо Мария Висконти выплюнул его прозвище как худшее из проклятий. – Говори яснее! – потребовал он, тяжело опираясь за край стола, чтобы подняться на ноги. Когда ему наконец удалось встать, герцог ударил по столу кулаком со всей злостью и раздражением, на какие только был способен. Кубки, наполненные вином, зашатались, оставляя на скатерти красные брызги.

– Карманьола заманил нас в ловушку. Малатеста решил пойти в прямую атаку, но... – Герольд замялся.

– Но?! – заорал Филиппо Мария Висконти вне себя от ярости.

– ...Но отряд Карманьолы отступил, как только войска Пиччинино и Малатесты вышли на дорогу к Ураго, а потом на нашу пехоту и кавалерию с двух сторон посыпался град арбалетных болтов. Мы оказались окружены.

– Вы оказались окружены? – повторил герцог.

– Мы угодили в кошмарное болото, не могли двинуться, и венецианцы разгромили нас, – продолжал Герольд. – Если бы не Франческо Сфорца, я не добрался бы сюда, чтобы рассказать вам об исходе сражения.

– Ах, в самом деле? – издевательски воскликнул герцог. – Да знаешь ли ты, что мне плевать на тебя? И на Сфорцу тоже плевать! Все вы шайка бездарей! – прогремел Филиппо Мария Висконти. Не глядя он махнул рукой и сшиб со стола

несколько стеклянных кубков, которые упали на пол, разлетевшись на тысячи осколков.

Взбудораженные суматохой, грозно зарычали мастифы.

Глава 9

Побег

Венецианская республика, церковь Сан-Николо деи Менди-коли

Полиссена обернулась и увидела, что в церковь вошел ее слуга. Она хотела было возмутиться и грозно спросить, как он посмел помешать им, но паренек, которого звали Барнабо, приблизился и с тревогой произнес вполголоса:

– Госпожа, простите мою дерзость, но нам лучше уйти, пока еще не слишком поздно.

Недоумевая, Полиссена обожгла слугу яростным взглядом:

– О чем ты?

– Группа николотти собирается в соседних переулках и скоро двинется к церкви...

– С какой целью? – перебила его дама.

– Ограбить и убить вас. По той простой причине, что вы богаты, а они нет.

У Полиссены перехватило дыхание.

– Думаешь, они осмелятся ворваться в храм Божий? – спросил кардинал у Барнабо.

– Не сомневаюсь. И едва ли добрые монахи смогут помещать бандитам.

– Значит, нужно спастись на моей лодке, – с поразительным спокойствием заявил Панчьера. – Она совсем рядом, уже спущена на воду и готова к отплытию.

– Ваше высокопреосвященство, – обратилась к нему Полиссена, которой с трудом, но все же удалось взять себя в руки, – я вынуждена просить вас о помощи.

– О чем речь, я буду счастлив помочь вам. Но сейчас, моя дорогая, нам стоит последовать совету вашего слуги.

Не говоря больше ни слова, все трое поспешили к выходу из церкви.

На улице Барнабо ощутил порыв холодного утреннего ветра, а затем увидел именно то, чего так опасался: из переулка напротив появилась группа оборванцев и решительно зашагала к церкви. Николотти сжимали в руках палки и ножи, и, судя по выражениям лиц, намерения у налетчиков были самые кровавые.

– Скорее, госпожа, скорее! Бегите к лодке! – воскликнул слуга.

– Барнабо... – прошептала Полиссена.

– Бегите! – решительно повторил он.

– А как же ты?

– Я попытаюсь их задержать.

– Ваш слуга прав, мадонна, надо поторопиться. – Не тратя больше слов, старый кардинал подхватил Полиссену под ру-

ку и почти поволок к лодке, которая стояла на приколе неподалеку. – Никколо, скорее! – крикнул он капитану. – Отплываем, иначе нас убьют!

Пока рука Панчьеры уверенно тащила ее вперед, Полиссена успела разглядеть людей из банды николотти. Грязные и изголодавшиеся, оборванцы спешили к ним. Некоторые уже начали швырять камни. Снаряды еще не достигали цели, но постепенно падали все ближе к Барнабо, который тем временем вытащил из-за пояса кинжал.

Полиссена и кардинал подбежали к причалу.

Моряки уже отвязывали тросы. Пока двое из них помогали знатной даме подняться на борт, кардинал раздраженно бросил остальным членам экипажа:

– Чего вы ждете?! Не собираетесь же вы бросить этого бедолагу одного? Он под моей защитой, и, если с ним что-то случится, виновата будет моя гвардия. Скорее, помогите ему!

Услышав приказ, трое мужчин с арбалетами сошли с лодки. Раздались первые выстрелы, и арбалетные болты пронзили холодный воздух. Легкие порывы морозного ветра не могли им помешать: стрелы обрушились на оборванцев. Две из них пролетели мимо цели, но третья ранила одного из разбойников в руку, и тот громко закричал.

Остальные остановились в нерешительности; некоторые николотти уже пятились, побросав камни, которые сжимали в руках.

Тем временем Барнабо, воспользовавшись замешательством в стане налетчиков, со всех ног кинулся к лодке кардинала.

Арбалетчики неторопливо отступили, держа на виду свое смертоносное оружие.

Бандиты не решались преследовать их. То, что казалось легким грабежом, грозило обернуться кровавой схваткой, а никто из николотти не спешил мериться силами с профессиональными гвардейцами.

Пока оборванцы топтались на берегу, лодка отчалила и заскользила по каналу, оставив церковь Сан-Николо деи Мендиколи позади.

Облокотившись о борт, Полиссена еще некоторое время разглядывала налетчиков: их перепачканные углем лица с редкими почерневшими зубами приводили ее в дрожь. Свидание с кардиналом оказалось намного опаснее, чем она ожидала.

Будто прочитав беспокойные мысли спутницы, Антонио Панчьера положил руку ей на плечо:

– Не бойтесь, мадонна, вот увидите: наша первая встреча станет началом пути, который принесет всем нам удачу.

Полиссена надеялась на это всем сердцем.

Глава 10

Герольд

Миланское герцогство, замок Порта-Джовиа

Значит, это правда, подумал Филиппо Мария. Его войско в Маклодио разбито. И ни один из командиров не решился сообщить об этом лично. Они отправили вместо себя Герольда, и Филиппо Марии пришлось выслушивать дурацкие оправдания этого ничтожества – настоящее оскорбление для герцога Висконти.

Мастифы рычали все громче.

Вдруг Филиппо Мария отчетливо понял, как нужно поступить. Он отпустил гвардейцев и приказал им закрыть двери, а затем окинул Герольда оценивающим взглядом.

Анджело Барбьери с ужасом догадался, что задумал герцог. Чего-то подобного он и опасался с той самой минуты, когда сел на проклятого коня и отправился в Порта-Джовиа с вестью о поражении.

Об изощренной жестокости Филиппо Марии Висконти слагали легенды. Не менее известна была и его мания преследования. Именно поэтому герцог все время сидел взаперти в своем замке, держа под рукой верных мастифов. Он не решался покидать крепостные стены, одержимый страхом, что на него нападут тайные враги. В Милане шептались, что Висконти совсем потерял рассудок и превзошел в безумстве

собственных предков. Его поведение порождало страх, а от страха один шаг до враждебности. Жители города впитывали ненависть к герцогу с молоком матери; она переходила из поколения в поколение и обладала такой мощью, что в ее пучине меркли любые другие чувства. В те дни, полные боли и смерти, Милан бурлил, как кипящий котел, а Филиппо Мария плел свои пагубные сети, скрывшись за надежными стенами замка Порта-Джовиа. Словно паук, герцог день за днем копил в себе холодную злость, подпитывая постоянно растущую шпионскую сеть. Многочисленные соглядатаи старательно доводили до его ушей каждую мелочь, даже самую незначительную, и разум правителя, отравленный подозрительностью и страхом, тут же находил признаки очередного заговора, зачастую не имевшие под собой никаких оснований.

Герольд горько усмехнулся: как жестоко судьба посмеялась над ним! Франческо Сфорца спас его в битве, где погибли почти все его товарищи, но потом отправил на растерзание жестокому тирану.

Филиппо Мария Висконти подал знак, неторопливо, будто неохотно махнув рукой. Он знал, что любимые мастифы не замедлят исполнить его волю.

Все произошло в считанные секунды.

Кастор и Полидевк оскалились, обнажая фиолетовые десны с острыми клыками. Их рычание заполнило все пространство зала.

Анджело Барбьери еще издавал предсмертные хрипы, когда герцог потянулся к серебряному колокольчику, скривившись от усилия. Наконец Голубиный зал наполнился громким звоном.

Гвардейцы появились буквально через мгновение: хорошо зная привычки своего господина, они ждали неподалеку.

— Позовите кого-нибудь. Пусть уберут этот свинарник, — приказал герцог, кивком указывая на тело гонца, растерзанное собаками. Потом он взял костыли, прислоненные к столу, и заявил: — Я пойду в свои покои. Вымойте псов как следует. Через пару дней я поеду на охоту и возьму их с собой. После всяких остолопов Кастору и Полидевку обычно хочется свежей дичи.

Гвардейцы молча кивнули.

Герцог направился к двери, медленно переставляя ноги. Костыли, казалось, отстукивали по полу погребальный марш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.